

В. Д. Корма*,
В. А. Образцов**

СЛЕДСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам теории и практики познавательной деятельности следователя в сфере досудебного уголовного производства. Высказанные авторами идеи, разработанные положения и рекомендации, характеристики, касающиеся предмета, методов, средств и технологий познавательной миссии следователя, базируются на эмпирически установленных закономерностях двух групп (категорий). Первая — закономерности криминального и связанных с ним видов юридически значимого поведения (деятельности) и процесса его отражения. Вторая группа — закономерности организации и осуществления антикриминальной следственной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Внимание уделено вопросам соотношения понятий следственного познания и распознавания, сущности и механизмов указанных форм (направлений) профессиональной деятельности следователя, а также проблеме формирования, взаимодействия и распознавания мысленных образов деяний с признаками преступлений. Наряду с этим, в статье нашли отражение сформулированные авторами определения понятий следственного познания и следственного распознавания.

Ключевые слова: следственное познание, следственное распознавание, уголовно-релевантные объекты и признаки, наглядно-чувственные и мысленные образы, механизм взаимодействия, идеальные модели, уголовно-релевантная информация, распознавание образов.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.092-106

ЧАСТЬ 2. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ КАК ПРОЦЕССА РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ УГОЛОВНО- РЕЛЕВАНТНЫХ ОБЪЕКТОВ

Как было показано в первой части данной статьи, уголовно-процессуальное доказательствен-

ное познание следователя уходит своими корнями в стадию возбуждения уголовного дела. В том случае, когда по результатам проверки сообщения о готовящемся, совершенном или совершаемом преступлении следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, его

¹ Окончание. Начало см.: Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 90—100

© Корма В. Д., Образцов В. А., 2019

* Корма Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
v.d.korma@gmail.com

** Образцов Виктор Александрович, доктор юридических наук, профессор, ветеран Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

познавательная деятельность плавно перетекает в стадию предварительного расследования, осуществляемого в форме предварительного следствия.

При всех правовых и ситуационных особенностях указанной деятельности, характерных для того или другого ее этапа, у нее имеется много общего с точки зрения ее организационной и логико-гносеологической характеристик.

Представление о характере и содержании общих положений следственного познания дают результаты интерпретации приведенных выше закономерностей механизмов совершения и отражения преступлений и других уголовно-релевантных событий, а также механизмов организации и осуществления работы следователя до и после возбуждения уголовного дела.

И первое, на чем в этой связи нужно остановиться, касается вопроса о принципах анализируемой нами деятельности.

Как и другие должностные лица правоохранительных органов, являющиеся участниками уголовного судопроизводства, следователь опирается на систему правовых (обязывающих) принципов, предусмотренных в УК и УПК РФ. (Принципы законности, справедливости, неприкосновенности личности, жилища, презумпции невиновности и др.) Наряду с этим, следователю рекомендуется придерживаться в своей работе принципов, сформулированных в криминалистике.

К их числу, в частности, относятся принципы: приоритета норм уголовного права в конкуренции с криминалистическими рекомендациями; принятие решений, основанных на всесторонне проверенной, подтвержденной, логически непротиворечивой информации; собирания и использования в комплексе ориентирующей и доказательственной информации; обусловленности предмета уголовно-процессуального познания следователя обстоятельствами, являющимися элементами предмета уголовно-процессуального доказывания; организации взаимодействия следователя с другими полномочными должностными лицами контролирующими и правоохранительными органами, судебными экспертами, специалистами, представителями общественности, иными лицами и органами, оказывающими следствию информационное и иное общественно полез-

ное содействие (например, силовую поддержку в случае ее необходимости, обусловленности следственных задач, методов и средств их решения особенностями искомых, изымаемых, исследуемых объектов и своеобразием сложившейся познавательной ситуации).

Категории истинности, достоверности знания имеют прямое отношение к деятельности следователя не только в стадии предварительного расследования, но и в стадии возбуждения уголовного дела². Вопрос заключается в том, что все виды итоговых процессуальных решений, принимаемых в рамках этих стадий, должны опираться не на предположения, а на положительные знания, хотя и отличающиеся по объему и глубине содержания. Как характеристика знания истинность означает соответствие знания объективной действительности. Категория достоверности, помимо отношения знания к действительности, включает в себя еще и его обоснование, охватывает собой пути достижения достоверного знания, динамики его формирования. Поэтому достоверным считается обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений. В роли парной категории достоверности выступает понятие вероятности. Как характеристика обоснованности знания вероятность может быть различных степеней и возрастать по мере приближения к достоверности. Это дает основание рассматривать процесс доказывания в его логико-гносеологическом плане как переход (перерастание) вероятного знания в знание достоверное.

Так, если следователь по результатам проведенного расследования считает возможным принять решение об окончании производства по делу и приступить к составлению обвинительного заключения, он это может сделать лишь при условии того, что опирается на полное, достоверное, доказанное знание о всей совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе о виновности лица, обвиняемого в совершении инкриминируемого ему деяния (деяний). Несколько иначе выглядит ситуация в стадии возбуждения уголовного дела. Для принятия здесь итоговых процессуальных решений закон не требует от следователя того объема и содержания знаний, о которых сказано выше. Для принятия таких решений, как возбужде-

² Подробнее об этом см., например: *Эйсман А. А.* Соотношение истины и достоверности // Советское государство и право. 1966. № 6. С. 92—97; *Он же.* Логика доказывания. М., 1971; *Орлов Ю. К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001.

ние или отказ в возбуждении уголовного дела, ему необходимо прежде всего убедиться в том, что информация о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении не была плодом беспочвенной фантазии, добросовестного заблуждения или злонамеренного введения следователя в заблуждение. (Наиболее яркие примеры злонамеренного, противоправного введения в заблуждение следствия дает практика проверки сообщений о готовящихся террористических актах, большая часть которых (сообщений), как выясняется, являются заведомо ложными.) В том случае, когда в результате проверки сообщения выясняется, что событие, о котором сообщается, имело место, перед следователем встает задача получения достоверного знания о наличии или об отсутствии в нем признаков уголовно-правового понятия преступления. (В криминалистике под признаками преступлений понимаются следы, возникающие при приготовлении к совершению преступлений, при совершении преступлений и их сокрытии.)

В стадии возбуждения уголовного дела для получения достоверного, хотя и не полного знания, на этот счет достаточно, как правило, производства осмотра места происшествия, выявления и опроса очевидцев произошедшего, истребования и изучения документов. Как показывают следственная практика и данные, содержащиеся в научных публикациях специалистов уголовно-процессуального и криминалистического профиля, для принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела достаточно положительных знаний о некоторых признаках общего и видового понятий состава преступления, относящихся как минимум к его объекту и объективной стороне. Что же касается остальных элементов и признаков, то применительно к ним возможны знания предположительного, вероятностного характера.

При этом, однако, нельзя не учитывать, что помимо сказанного следователь может возбудить уголовное дело, как указано в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, только тогда, когда он располагает не просто данными (сведениями, информацией), а достаточными данными, указывающими на признаки преступления. Это же требование в равной мере относится и к решению вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела, которое также должно опираться на наличие достаточных данных, дающих основание принять такое решение.

Отметим, что название раздела VII «Возбуждение уголовного дела» представляется

неточным, не отражающим адекватно его содержание. Наряду с вопросами, связанными с возбуждением уголовного дела, в нем рассматриваются также решения об отказе в возбуждении уголовного дела и о передаче сообщения о преступлении по подсудственности (см. ст. 145 «Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении» УПК РФ). Поэтому более правильно, на наш взгляд, было бы назвать указанный раздел так: «Рассмотрение сообщения о преступлении».

Сравнительный анализ криминалистических характеристик познавательной деятельности следователя в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования показывает, что процесс овладения знаниями, необходимыми для принятия итоговых процессуальных решений, осуществляется по принципиально сходной схеме: от знаний о наблюдаемых следователем, а значит, об ощущаемых, непосредственно воспринимаемых его органами чувств уголовно-релевантных объектах и признаках, к знаниям о ненаблюдаемых, а значит, не воспринимаемых органами чувств следователя уголовно-релевантных событиях (объектах и признаках), причинно и информационно связанных с первыми объектами и признаками.

Напомним, что к числу наблюдаемых следователем объектов и признаков относятся следующие фрагменты и элементы исследуемой им реалии:

- 1) участвующие в процессуальном информационном взаимодействии со следователем опрашиваемые и допрашиваемые, освидетельствуемые и т.д. подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели; признаки их внешнего облика; внешне проявляемые ими психофизические и поведенческие реакции; осматриваемые части тела, элементы одежды, ручная кладь и другие сопутствующие фигурантам дела вещи;
- 2) обнаруженные:
  - а) материально фиксированные следы исследуемых преступных деяний и других событий;
  - б) некоторые факты, относящиеся к числу общественно опасных последствий совершенного преступления (обгоревший дом, обезображенное лицо человека и др.);
  - в) сохранившиеся продукты преступной деятельности (поддельные документы,

неиспользованные взрывные устройства и т.д.);

- г) найденные предметы преступного посягательства (похищенные вещи, драгоценности, произведения искусства и др.);
- д) обстановка на месте происшествия и другие существующие в действительности, сохранившие на момент текущего познания свои свойства объекты, имеющие существенное значение для дела, в том числе письменные и иные документы (фотодокументы, фонограммы, видеоматериалы и т.д.), а также предметы и вещества (оружие, наркотические вещества и т.д.), переданные следователю потерпевшими, адвокатами, оперативными работниками, подозреваемыми и другими участниками уголовного процесса.

В круг не наблюдаемых следователем уголовно-релевантных объектов и признаков входят:

1) исследуемые им события, явления, процессы и другие факты из области прошлого, а также объективно возможные в будущем факты, события, состояния и т.д., познаваемые на уровне предвидения, прогноза (о возможном появлении в том или ином месте разыскиваемого преступника; о факте и возможном времени наступления смерти потерпевшего, находящегося на излечении в больнице после совершенного в отношении его посягательства и т.д.);

2) имеющие значение для дела не наблюдаемые следователем события, процессы, явления, протекающие параллельно его деятельности;

3) скрывшиеся подозреваемые, а также обвиняемые и осужденные лица, бежавшие из-под стражи;

4) скрывшиеся с места происшествия неизвестные преступники, а также устанавливаемые неизвестные очевидцы содеянного и потерпевшие;

5) не имеющие материального выражения (воплощения) устанавливаемые идеальные объекты (образы) реальных, отражаемые в правовых, криминалистических, психологических и иных научных понятиях (например, понятия события, состава, цели, мотива, способа преступления; вина; виновность; достоверность информации; допустимость доказательства);

6) устанавливаемые по делу замаскированные, уничтоженные, разрушенные или несохранившиеся (утраченные) по каким-то иным

причинам материальные объекты (например, сожженная одежда, в которую был одет преступник во время совершения преступления);

7) не доступные для органов чувств следователя (не наблюдаемые им) признаки, свойства, связи и отношения наблюдаемых им объектов;

8) реально существующие, но не обнаруженные на момент исследования материальные объекты (сокрытый труп убитого человека, место нахождения которого неизвестно; угнанное в неизвестном направлении транспортное средство и т.д.).

Таким образом, если исходить из смысла рассмотренной выше схемы, следственное познание в самом общем виде может быть определено как путь, ведущий к постижению знаний о правовой сущности и содержании не наблюдаемых следователем деяний с признаками преступлений и других уголовно-релевантных событий, опирающийся на результаты познания закономерно связанных с ними наблюдаемых им (следователем) уголовно-релевантных объектов и признаков.

Возможны и иные варианты интерпретации упомянутого главного (основного) направления познавательной деятельности следователя, осуществляемой до и после возбуждения уголовного дела.

Так, в свете теории отражения эта деятельность может быть представлена в качестве процесса движения знания от результатов отражения (изменений, следов) к отражаемым объектам (субъектам, средствам, способам действий и т.д.), в контексте же теории причинности и метода обратного причинного следования о главном направлении следственного познания можно говорить как о пути, ведущем от известного следствия (последствия) к неизвестной причине данного следствия.

Сходство познавательной активности следователя в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования проявляется также и в части других принципиально важных моментов. Они касаются ряда подходов и элементов познавательного и организационно-тактического характера, круга поисковых, исследовательских, удостоверительных задач, средств, методов и технологий их решения. Речь идет о принципах, способах, приемах мыслительной деятельности следователя (в частности, связанной с выдвиганием, изучением и проверкой следственных версий) и о физической активности, связанной с подготовкой и производством отдельных следственных дей-

ствий и тактических операций (тактических комплексов действий), в том числе направленных:

- 1) на изучение, анализ, проверку, оценку поступающей к следователю извне (в частности, полученной из сообщения о преступлении) и собранной им лично доказательственной и ориентирующей информации;
- 2) поиск, обнаружение, осмотр, фиксацию, исследование и изъятие (в необходимых случаях) вещных носителей информации (как известных из полученных сообщений, так и предполагаемых); овладение, фиксацию, анализ, проверку и оценку содержащейся в них информации;
- 3) установление, опрос (допрос) лиц, располагающих искомой информацией;
- 4) подготовку и назначение судебных экспертиз;
- 5) решение иных задач, связанных с собиранием, проверкой, оценкой полезной информации и преобразованием ее в доказательства;
- 6) использование собранных доказательств в целях установления полной, соответствующей действительности картины содеянного, выявления, идентификации и изобличения виновных в содеянном лиц, реабилитации невиновных, ошибочно заподозренных или обвиненных лиц;
- 7) принятие адекватных содержанию объективной истины процессуальных решений, предусмотренных в УПК РФ применительно к досудебному уголовному производству. Конкретизации и углублению представлений о сущности и механизмах следственного познания, на наш взгляд, способствует предлагаемая ниже концепция профессиональной миссии следователя как процесса формирования, взаимодействия, проверки и распознавания образов уголовно-релевантных объектов в свете межотраслевой теории распознавания образов.

Данная теория возникла как научно-техническое направление, связанное с разработкой методов построения систем (в том числе на базе использования электронно-вычислительных машин) в целях установления принадлежности исследуемого объекта (или понятия) к одному

из заранее выделенных классов объектов (образу).

Согласно предложенной методике процесс распознавания образов осуществляется путем сопоставления признаков исследуемого объекта с признаками других известных объектов, в результате чего делается вывод о наиболее правдоподобном их соответствии³. (В криминалистической литературе указанная процедура получила название классификационного распознавания как способа определения групповой принадлежности объектов, исследуемых в следственной и судебно-экспертной практике.)

Практика и научные исследования, проведенные в криминалистике, психологии, биологии, медицине и ряде других конкретных наук, показали, что проблема распознавания образов имеет самое прямое отношение к решению не только групповых (классификационных), но и идентификационных задач. Примером тому служат результаты отечественных и зарубежных разработок, в частности в так называемой геномной дактилоскопии, основанной на анализе индивидуальных вариаций ДНК человека, позволяющих устанавливать половую принадлежность лица по оставленным им биологическим следам, осуществлять его идентификацию и решать другие криминалистические задачи⁴.

Важно также и то, что в наши дни в России и за ее пределами разработаны, внедрены в практику и успешно функционируют различные автоматизированные технологии идентификационного и группового распознавания образа человека по его отпечаткам пальцев рук, радужной оболочке глаз, голосу, почерку и другим параметрам и характеристикам. Эти системы способствуют обеспечению безопасности в сфере оказания транспортных услуг, на улицах, площадях и в других местах массовых скоплений населения, выделению и розыску преступников, угнанных или похищенных транспортных средств и решению других общественно полезных задач, в том числе тех из них, которые связаны со следственным распознаванием.

³ См.: Распознавание образов : пер. с англ. яз. М., 1970 ; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1115 ; Проблемы криминалистического распознавания. М., 1999.

⁴ См., например: Мамурков В. А. Криминалистические аспекты системно-структурного подхода в исследовании объектов судебных экспертиз. Екатеринбург, 2001 ; Криминалистика / под ред. Л. В. Бертовского. М., 2018. С. 147—171.

В понятийно-терминологическом аппарате упомянутой выше криминалистической концепции ключевыми являются два понятия: образ и распознавание. Именно они играют роль системообразующих факторов, вокруг которых группируются другие понятия и термины.

Под образом в философии подразумевается результат (продукт) и идеальная форма отражения предметов, явлений, процессов в сознании человека. На чувственном уровне познания образами являются ощущения, восприятие и представления. На уровне мышления⁵ под признаки категории «образ» подпадают понятия, суждения, умозаключения. Своеобразие образа заключается в том, что, будучи субъективным, идеальным по форме⁶, он не имеет самостоятельного бытия вне отношения к своему материальному субстрату — мозгу и к объекту отражения. Но образ объективен по своему содержанию в той мере, в какой он отражает объект. Однажды возникнув, образ приобретает относительно самостоятельный характер и играет активно действенную роль в поведении людей (как, впрочем, и животных), регулируя поведение, осуществляя функцию управления действиями, поступками, деятельностью⁷.

Мышление в форме образов, оперирование образами — неотъемлемая черта следственного познания. Формированию мысленных образов не наблюдаемых следователем событий, явлений, процессов, предметов предшествует формирование наглядно-чувственных образов наблюдаемых им объектов и их признаков, а также образов средств, методов, технологий получения знаний об этих объектах, их признаках, свойствах, связях и отношениях. В основе механизма решения данных задач лежит универсальный принцип взаимодействия того и другого типа образов. Он реализуется с мо-

мента получения следователем сообщения о совершении преступления и завершается во время принятия соответствующего окончательного процессуального решения.

На первых порах мысленные модели — образы следователя изобилуют пробелами и неопределенными частями. В них отсутствуют многие узлы и детали. По мере накопления полезной информации модель-образ реконструируется, освобождается от излишних образований, обрастает «жесткими узлами» (достоверно установленными фактами). Количество вариантов в различных частях модели сокращается, покуда сама она не станет однозначной системой достоверного знания об исследуемом явлении. В этом движении и осуществляется процесс познания в следственной практике. При этом следователь имеет дело с двумя типами мысленных моделей (образов) — вероятностными и достоверными. Первые служат средством познания, вторые — его результатом и целью. Наиболее существенным свойством модели-образа является то, что она не ограничивается накоплением и хранением информации, а преобразует ее, открывая пути для дальнейшего движения мысли следователя.

Наряду с образами как мысленными моделями, обращенными в прошлое, представляемое сквозь призму подлежащих доказыванию обстоятельств, в следственной практике используются вспомогательные модели, направленные в будущее, в том числе отражающие ход предстоящего исследования. Практические действия до их реального осуществления выполняются мысленно, и это позволяет предвидеть ход и результаты деятельности, планировать и направлять ее. Протекая в наглядной, образной форме, мысленное планирование рождает множество динамических структур,

⁵ Под мышлением в логике и теории познания понимается высшая форма активного отражения в сознании человека объективной реальности, состоящего в целенаправленном, опосредованном, обобщенном познании невоспринимаемых на чувственном уровне существенных признаков, связей и отношений предметов и явлений, в творческом созидании новых идей, в прогнозировании событий и действий (см., например: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 391).

⁶ Понятие «идеальное» отражает специфический способ бытия объекта, представленного в психическом мире и жизнедеятельности человека. Идеальное выступает как система отношений между независимыми от сознания и воли объективными явлениями и человеком, способным эти явления воспроизводить и преобразовывать в процессе своей теоретической и практической деятельности. (Идеальное, писал К. Маркс, есть «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».) Идеальное — это процесс. Идеальность (как план сознания) «разворачивается по формуле объект — деятельность — субъективный образ (см.: *Лешкевич Т. Г.* Философия и теория познания. М., 2017. С. 262).

⁷ См.: *Философский энциклопедический словарь*. С. 446.

так называемых рабочих моделей. Ими являются прообразы расследования, картины предстоящих следственных действий, намеченные приемы, методы и последовательность их выполнения, возможные действия участников процесса в той или иной ситуации, воображаемые последствия и результаты их поведения в различных ситуациях⁸.

Как же все сказанное корреспондирует с проблемами следственного распознавания?

Для ответа на этот вопрос вначале надо составить представление о том, как понятие распознавания соотносится с понятием познания. Это необходимо сделать по ряду причин, в том числе и в первую очередь в силу того, что среди криминалистов нет единого мнения по данному поводу. Некоторые авторы даже рассматривают эти понятия как синонимы, что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Дело в том, что хотя между понятиями познания и распознавания не существует непреодолимого водораздела, они тем не менее отражают пусть и сходные, но не во всем совпадающие реалии. Сравнительный анализ логических характеристик этих понятий показывает, что они не относятся к числу равнообъемных категорий, а соотносятся друг с другом как род (познание) и вид (распознавание), соответственно как целое и часть данного целого. Из этого следует вывод: каждый случай распознавания является познанием, но не каждое познание является распознаванием.

Понятие познания как более широкое по объему, по сравнению с понятием распознавания, охватывает все без исключения виды и разновидности уголовно-релевантных объектов и признаков, всю совокупность целей, задач, средств и методов уголовно-процессуальной познавательной деятельности следователя в сфере досудебного уголовного производства. Что же касается распознавательной составляющей данного процесса, то на ее долю приходится только часть указанного целого. Это более узкая по объему, но и более глубокая и более богатая по своему содержанию часть.

Если сказать коротко, следственное распознавание — это познание не наблюдаемых следователем, а значит, не воспринимаемых его органами чувств уголовно-процессуальных реалий в условиях острого дефицита полезной

информации, необходимой для разрешения сложившейся проблемной ситуации.

Следственное распознавание — это не пассивное созерцание, не элементарное «заглатывание» и «пережевывание» готового продукта, а форма сознательного, активного, целенаправленного добывания нового, до этого отсутствовавшего знания на основе творческого мышления, продуктивного воображения и производства предметно-практических процессуальных действий.

Предметом следственного распознавания являются:

- 1) ненаблюдаемые следователем уголовно-релевантные объекты (преступления, другие ненаблюдаемые деяния, сходные по своим признакам с преступлениями, но таковыми не являющиеся, а также иные ненаблюдаемые уголовно-релевантные события, явления, процессы, действия, виды поведения (деятельности), предметы и т.д.);
- 2) чувственно невоспринимаемые сущностные, внутренние, скрытые признаки, свойства, связи и отношения наблюдаемых следователем уголовно-релевантных объектов.

Конечной целью распознавательной активности следователя служит полное, достоверное, доказанное знание о целостной совокупности внешних и внутренних признаков не наблюдаемых им объектов и чувственно невоспринимаемых сущностных, скрытых, внутренних признаков, свойств, связей и отношений наблюдаемых им же объектов. (Механизм следственного распознавания сродни механизму решения уравнения со многими неизвестными, сопряженному с преодолением информационной неопределенности.)

Распознаванию, как и познанию в целом, присущи два типа знания: непосредственное (продукт чувственного познания) и опосредованное (продукт рационального познания). Непосредственным называется знание, достигнутое путем прямого усмотрения на основе использования возможностей органов чувств. Оно как бы прямо «дается» субъекту объектом, являющимся носителем и источником информации о себе самом и о взаимодействовавшем⁹ с ним объекте (объектах). К чувственному познанию относится все то, что познается при доминирующей роли органов чувств (зрение,

⁸ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 128—133.

⁹ См., например: Советский энциклопедический словарь. С. 890, 942; Философский энциклопедический словарь. С. 432, 459.

слух и т.д.). Как отмечалось, оно протекает в трех основных формах: ощущение, восприятие, представление. Ощущение — это отражение в сознании человека отдельных чувственно воспринимаемых свойств наблюдаемого объекта материальной природы, непосредственно воздействующего на органы чувств. Ощущения выступают в роли первого и главного звена, связывающего человека с окружающей его действительностью. При этом доступ и последующая обработка информации определяются пороговым уровнем ощущений. Информационно-пропускная способность органов чувств человека распределена так: самый большой объем информации связан со зрением, затем идут осязание, слух, вкус, обоняние. Целостный образ, отражающий непосредственное воздействие на органы чувств единичных объектов, называется восприятием¹⁰.

Когда процесс непосредственного воздействия на органы чувств прекращается, образ наблюдаемого объекта не исчезает бесследно. Он сохраняется в памяти. В результате сохранения в памяти внешних воздействий возникают представления как образы тех предметов и явлений, которые когда-то воздействовали на органы чувств познающего субъекта, а затем восстановились по сохранившимся в мозговом субстрате следам при отсутствии этих предметов или явлений. Представления существуют в виде мысленных образов класса воспоминаний, а также в виде мысленных образов, создаваемых усилиями продуктивного воображения. Причем, если восприятие относится только к настоящему, то представления еще и к прошлому, и к будущему¹¹.

В отличие от непосредственного знания, опосредованным (опосредствованным) называется знание, полученное через промежуточное звено (понятие или объект), т.е. с помощью посредника, информационно связанного с познаваемым объектом или понятием. (Под опосредованным знанием понимается обусловленное, обоснованное, выводное знание.)

Закономерная связь следственного распознавания с не наблюдаемой следователем уголовно-релевантной реальностью — первая отличительная черта данного вида познавательной деятельности. Наряду с этим, ее специфику

определяют еще два фактора — опосредованный характер знания и опосредствованный способ его получения. Но это не все. Если чувственное познание предполагает только один вид познаваемой материальной реальности — наблюдаемый объект или признак, то распознавание имеет отношение и к наблюдаемым и к не наблюдаемым следователям объектам, как к материальным субстанциям, так и к логическим, идеальным конструкциям, включая понятия. В этом состоит смысл и выражается научная и практическая значимость криминалистического изучения и интерпретации понятия распознавания.

Изложенное не означает, что следственное распознавание осуществляется в отрыве от чувственного, непосредственного познания. Результаты, полученные на чувственном уровне, осмысливаются и после их мысленной переработки открывают дорогу к рациональному познанию. В свою очередь, результаты рациональной формы познания, достигнутые в ходе их проверки путем производства следственных действий (эксперимента, допроса, осмотра места происшествия и т.д.), дают следователю новую порцию фактического материала, который затем, после его мысленного упорядочивания, инициирует новый виток взаимодействия возможностей и продуктов чувственного и рационального познания. Таким образом, производя мысленную переработку продуктов чувственного познания, следователь осуществляет переход от чувственного к рациональному: от наблюдения, измерения, эксперимента и других способов предметно-практической деятельности к способам, приемам, правилам логической природы — абстрагированию, анализу, синтезу, версии, моделированию, экстраполированию, аналогии, дедукции и т.д.¹² При этом мышление не только выполняет свою специальную функцию в познавательном процессе, но еще и руководит органами чувств, корректирует, направляет их в нужном направлении¹³.

Что же выступает в распознавании в качестве посредника, стоящего между следователем и распознаваемой им уголовно-релевантной реальностью, не воспринимаемой им на чувственном уровне?

¹⁰ Лешкевич Т. Г. Указ. соч. С. 321.

¹¹ См., например: Лешкевич Т. Г. Указ. соч. С. 321—322.

¹² См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 8.

¹³ См.: Коршунов А. М. Познание и деятельность. М., 1984. С. 68.

В гносеологическом плане роль посредников, с которыми следователь взаимодействует в целях проникновения в тайну неизвестного, играют две группы (два типа) объектов и понятий.

В одну группу входят связанные с исследуемыми деяниями вещественные доказательства; заключения судебных экспертов; оперативно-розыскные данные; информация, полученная от потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, из заключений судебных экспертов, других источников фактической информации.

Под объектами и понятиями другой группы посредников понимаются так называемые обобщенные типовые информационные модели родо-видового уровня: нормативно-правовые понятия; уголовно-правовые, криминалистические, психологические характеристики и классификации различных категорий преступлений и отдельных групп преступников, способов совершения отдельных видов преступлений и возникающих при этом следов; типичные следственные версии; типовые словесные и психологические портреты разыскиваемых лиц; иные источники информации, имеющей значение для выявления, раскрытия, пресечения и предотвращения различных групп и видов преступлений, а также других общественно опасных деяний. Следует особо подчеркнуть многоплановое значение для следственного распознавания такой разновидности типовой информационной модели (обобщенного образа), как нормы и понятия материального и процессуального уголовного права, а также некоторых других отраслей права, имеющих отношение к проблеме регулирования отношений в сфере досудебного уголовного судопроизводства и за его пределами в тех областях

жизнедеятельности людей, которые становятся предметом правового реагирования правоохранительных органов и исследуются в уголовном процессе.

Информация, содержащаяся в таких нормах, — исключительно важный, необходимый элемент системы средств следственного распознавания. Кроме того, она выполняет и другую, не менее важную функцию: ориентирует следователя не только на то, каким способом и с соблюдением каких правил и требований он должен осуществлять свои полномочия как субъект доказывания, но и на то, какие именно обстоятельства и признаки ему необходимо устанавливать (распознавать) по всем без исключения делам либо по делам определенных категорий.

Распознавание образов уголовно-релевантных объектов, понятий и признаков в следственной практике осуществляется в целях:

- 1) выделения исследуемого объекта (признака, понятия) из окружающего фона (среды);
- 2) группировки объекта (признака, понятия) путем определения его принадлежности к той или иной группе (классу) сходных объектов (понятий, признаков);
- 3) идентификационной индивидуализации (персонификации¹⁴) объекта, признака, понятия¹⁵ (в случае возможности и необходимости);
- 4) решения диагностических, нормативистских, криптологических, автороведческих, почерковедческих, фонологических и других следственных задач¹⁶.

Наблюдаемые материально фиксированные объекты живой и неживой природы представляют интерес для следственной практики с различных точек зрения. В том случае, когда такие объекты были предметом преступного

¹⁴ Персонификация — это получение представлений о природных явлениях, человеческих свойствах и отношениях, об отвлеченных понятиях в субъективном образе познающего человека (Философский энциклопедический словарь. С. 1004).

¹⁵ С точки зрения психолого-гносеологического механизма распознавания наиболее простой (элементарной, общеизвестной) формой идентификации является узнавание чего-то или кого-то знакомого, т.е. ранее наблюдавшегося объекта (человека, участка местности, предмета и т.д.), по признакам наглядно-чувственного образа объекта, сохранившегося в памяти субъекта идентификации либо по описанию этого субъекта и формированию с его слов мысленного образа у следователя или другого лица.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. М., 2014; *Они же.* Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах. М., 2015; *Они же.* Проблемы и пути совершенствования парадигмы криминалистического распознавания // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 158—168; *Корма В. Д., Мирнова Е. А., Образцов В. А.* Теоретические и прикладные аспекты криминалистического учения о следственном распознавании // Там же. 2017. № 9. С. 186—201.

посягательства или использовались в качестве орудия, средства совершения преступления, а также когда они являются носителями следов, они должны признаваться вещественным доказательством и приобщаться к делу. Поэтому, с одной стороны, они служат элементом предмета доказательственного познания, а с другой — средством познания, носителем и источником фактической информации, собираемой и используемой в целях распознавания признаков ненаблюдаемых уголовно-релевантных объектов и чувственно невоспринимаемых признаков самих наблюдаемых объектов. Формами доказательственного распознавания чувственно невоспринимаемых объектов и признаков наблюдаемого следователем объекта являются: 1) отдельное следственное действие; 2) тактическая операция; 3) серия тактических операций. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере.

Допрошенная по уголовному делу о крупной квартирной краже потерпевшая дала показания о том, что преступник унес из ее дома крупную сумму денег, драгоценности, а также дорогую фото- и видеоаппаратуру. Судя по тому, что она не обнаружила в доме сумки, в которой обычно привозила купленные во время зарубежных поездок вещи, потерпевшая высказала мнение о том, что, видимо, вор все похищенное унес, сложив в эту сумку. Производя обыск на даче задержанного вскоре подозреваемого, следователь обнаружил пустую сумку, похожую по описанию потерпевшей на ту, которая пропала. В одном из карманов сумки, как оказалось, сохранился небольшой фрагмент рекламного объявления, на оборотной стороне которого имелась запись на русском языке с указанием времени вылета самолетов из зарубежного аэропорта. При очередном допросе следователь показал потерпевшей указанную запись. Потерпевшая заявила, что запись сделана ею. При предъявлении сумки для опознания она уверенно опознала ее. Назначенная по делу почерковедческая экспертиза дала категорическое заключение о том, что исследованный текст написан рукой потерпевшей. Полученные такими способами доказательства следователь предъявил подозреваемому, тот признался в содеянном и назвал имя и место жительства своего знакомого, которому передал похищенные вещи на временное хранение.

В системе наблюдаемых объектов, без которых не обходится ни одно уголовное производство, особое место занимает человек. Тот,

кто является участником, потерпевшим или очевидцем исследуемого по делу события, процесса, явления, а значит, носителем уголовно-релевантной фактической информации. Будучи наблюдаемыми с точки зрения их внешних признаков, действий и других внешне проявляемых реакций в условиях непосредственного информационного контакта со следователем, указанные участники уголовного процесса в то же время являются ненаблюдаемыми, можно сказать, закрытыми «черными ящиками». Это касается тех случаев, когда к моменту исследования у следователя отсутствуют необходимые знания о внутреннем содержании контактера — о чертах его характера, об интеллекте, о групповой принадлежности крови, подлинных намерениях, других признаках, недоступных для чувственного восприятия.

Отсюда и задачи на распознавание, которые нередко приходится решать посредством использования возможностей института специальных знаний сведущих лиц, специальных технологий, тактических приемов допроса; судебно-медицинских и биологических исследований объектов биологического происхождения; полиграфологических обследований проверяемых лиц и т.д. (Например, для распознавания: правдивости и ложности показаний; полноты, достоверности сообщаемой информации; замаскированных подлинных, а не внешне демонстрируемых замыслов, планов, интересов проверяемых лиц; фактов симуляции с их стороны заболеваний и многого другого из области тайного, скрываемого, фиктивного, сознательно запутанного, недосказанного, имитируемого, фальшивого.)

В системе средств следственного решения распознавательной задачи одну из ключевых ролей играет метод сравнительного анализа фактической и модельной информации, а также метод экстраполяции (экстраполирования), т.е. перенос знаний об известных частях целого на неизвестные части того же целого, знаний об известных признаках объекта на неизвестные признаки того же объекта, знаний об одном объекте на другой, неизвестный объект. Это дает возможность продуктивно строить, анализировать, проверять следственные версии, разрабатывать программы предварительных проверок и предварительного расследования, успешно решать многие другие вопросы.

Как это делается на практике, можно показать на примере расследования серийных уличных убийств, совершаемых так называемыми

сексуальными маньяками. По делам данной категории все начинается с распознавания факта совершения серии исследуемых преступлений одним и тем же лицом. На предварительном уровне вывод об этом обычно делается на базе результатов сравнительного анализа криминалистических характеристик изучаемых случаев убийств. Основанием для вывода служит сходство сравниваемых деяний по типу жертв, способов, орудий совершения преступлений и ряду других обстоятельств.

Уровень достоверности полученных таким путем знаний резко возрастает в том случае, когда на одежде, телах потерпевших, других объектах на месте происшествия или вблизи от него обнаружены следы, имеющие один и тот же источник происхождения. (Например, когда обнаруженные следователем и исследованные экспертом биологические материалы, не принадлежавшие жертвам убийств, оставлены одним и тем же неизвестным лицом.) Помимо ответа на вопрос о том, что изучаемые преступления совершены одним и тем же лицом, обнаружение и исследование упомянутых следов создает объективные предпосылки для успешного решения в дальнейшем других важных распознавательных задач, в том числе идентификации выявленного преступника по оставленным им следам. Но для этого сначала его нужно задержать. А это, как говорится, далеко не простая штука. Работа следователей и оперативников на данном направлении, как показывает практика, исключительно трудоемкий, напряженный процесс, чаще всего растягивающийся на долгие месяцы, а то и годы.

В основе его лежат результаты распознавания групповой принадлежности разыскиваемого лица. Этому способствует изучение следователем и оперативными работниками опубликованных криминалистических описаний, типологий и классификаций лиц, совершающих серийные убийства на сексуальной или иной почве. Сравнительный анализ характеристик отдельных групп лиц этой категории с характеристиками исследуемых по делу преступлений позволяет определить, к какой подгруппе относится искомое лицо, какие отличительные черты присущи представителям данной подгруппы и как они проявляются в их

поведении во время, до и после совершения убийства.

Распознавание групповой принадлежности неизвестного убийцы — необходимый шаг на пути его выявления и изобличения. Для этой цели осуществляются разработка и использование поискового портрета (психологического профиля) разыскиваемого убийцы. Построение такого рода портрета опирается на знание установленных психологами и криминалистами закономерных связей свойств личности серийных убийц с особенностями осуществляемого ими выбора излюбленных типов жертв и мест посягательства на них, характерного для преступников данной группы поведения до, во время и после совершения убийств, а также с особенностями оставляемых ими следов на теле, одежде потерпевших и других объектах на месте происшествия и вблизи него¹⁷.

С неменьшими проблемами и трудностями при решении распознавательных задач следователи сталкиваются и по делам о других категориях преступлений. Изложенное, в частности, касается тех случаев, когда возникает необходимость распознавания неизвестных непосредственных (ближайших) и основных с правовой точки зрения причин (действий или бездействия) авиакатастроф, кораблекрушений, взрывов, пожаров на крупных промышленных, сельскохозяйственных, оборонных, торговых предприятиях и других особо опасных происшествий.

Криминалистическая характеристика общих положений распознавательной деятельности следователя будет неполной, если оставить без внимания хотя бы некоторые актуальные аспекты мышления в форме версий как важнейшего элемента механизма следственного познания.

Исследуя психологический механизм формирования и проверки следственных версий, А. М. Ларин правильно подметил, что возникающие в сознании следователя образы являются продуктом взаимодействия фактических данных, установленных путем непосредственного наблюдения, с хранимыми в памяти понятиями и образами, полученными в результате предшествующего опыта, обучения и иными способами. Итогом этого процесса служит появление образов событий, действий, процессов, которые он сам не наблюдал¹⁸.

¹⁷ Подробнее об этом см., например: *Образцов В. А.* Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. М., 2003 ; *Корма В. Д., Образцов В. А.* Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Ларин А. М.* От следственной версии к истине. М., 1976. С. 11—18.

Работа следователя неразрывно связана с процессом построения и проверки версий на всем протяжении его деятельности — от повода для возбуждения уголовного дела до момента принятия решения о завершении расследования по делу. Версия — это средство соединения непосредственного знания с опосредованным знанием, внешних и внутренних признаков исследуемого объекта, наблюдаемого и ненаблюдаемого. Версия — это мостик, по которому идет движение мысли от вероятного к достоверному, от неизвестного в сторону известного, от проявления сущности к самой сущности исследуемого объекта. Мышление в форме версии — это не только отражение фактических обстоятельств события, но и средство его познания, не только логическое выражение мысли, но и информационная мысленная модель, имеющая гносеологическую, логическую и психологическую стороны. Эти стороны связаны между собой, с имеющейся фактической информацией и той информацией, которую предстоит обнаружить.

Для того чтобы обеспечить построение образа, соответствующего действительности, недостаточно связать исследуемые данные лишь с системой понятий и представлений об одном каком-то классе событий, которому могут принадлежать обнаруженные признаки (следы). Учитывая, что подобные признаки могут быть присущи и другим системам, необходимо обеспечить построение всех мыслимых аналогий и соответствующих им версий. Останавливаться на одной аналогии нельзя, ибо выбор одной из аналогий, игнорирование иных возможных аналогий порождает необъективность и односторонность исследования.

В реальном познавательном процессе все выдвинутые версии сосуществуют, составляя своеобразное единство противоречий. Поэтому при собирании доказательственной информации следователь оценивает воспринимаемые сведения — как каждое в отдельности, так и все вместе, — исходя из всей совокупности версий. Любой устанавливаемый им факт мысленно сопоставляется с каждой из версий и в зависимости от его содержания (а значит, и от содержания версий) квалифицируется как подтверждающий одну из версий, колеблющийся

другую, опровергающий третью, безразличный, не относящийся к делу согласно четвертой и т.д.

Поэтому следователь должен постоянно держать в поле зрения все версии, вытекающие из обстоятельств дела. Тогда любые вновь полученные данные будут правильно оцениваться как обосновывающие или подтверждающие одну из версий и тем самым колеблющие или опровергающие остальные. Иначе говоря, эти данные будут «работать» на все версии.

В мысленных операциях важное значение приобретает положение логики об асимметрии между подтверждением и опровержением версий. Для признания версии доказанной требуется совокупность фактических данных, достоверно устанавливающих существование предполагаемых фактов, обстоятельств и исключающих всякое иное предложение. Для опровержения же версии достаточно и одного твердо установленного факта¹⁹.

Проверяемые по делу версии являются конкретными, поскольку они связаны с познанием конкретных, единичных объектов. Однако это не означает, что при их построении не используются абстрактные знания. Речь идет об информации, в качестве которой выступают положения, отражающие обобщенное знание, рассчитанное на использование его во всех аналогичных ситуациях познания наблюдаемых и ненаблюдаемых объектов. Роль обобщенных положений (они могут быть отнесены к разряду мысленных эталонов, аналогов, типовых информационных моделей) заключается в обогащении моделей, построенных воображением следователя на основе анализа имеющихся фактических данных путем мысленного заполнения недостающих в ней звеньев (и корректировки имеющихся) той информацией, которая почерпнута в указанных положениях. Версии данного вида принято называть типичными (типовыми).

Под типичной версией обычно понимается наиболее характерное для сложившейся ситуации с точки зрения обобщенной следственной практики предположительное объяснение отдельного факта или расследуемого события в целом. Построение и использование типичной версии представляет собой частный случай применения в области доказывания схем

¹⁹ Подробнее об этом см., например: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 128—133; Ларин А. М. Указ. соч. С. 12, 62, 91—95, 160, 177—181; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 49; Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. С. 45—103.

и других форм наглядного выражения строгих систем, полученных в результате глубокого обобщения практики. Смысл использования этих версий заключается в объяснении события при минимальных исходных данных, что необходимо для выбора направления исследования. С логической стороны рассуждение, включающее версию, является условным суждением: если существовало данное событие (например, исследуемое преступление), то должны существовать его следствия (такие-то факты, доказательства). Подтверждение следствий (то есть обнаружение доказательств) вместе с тем означает и подтверждение логического основания, то есть самой версии²⁰.

Как отмечал А. А. Эйсман, если наряду с исходными, хотя и неполными данными имеются теоретические обобщения в виде правил, связывающих исследуемую группу фактов с выводом из них, то версию можно построить путем дедуктивного умозаключения. При этом вывод

строится от знания большей общности (правил, теоретических обобщений) к знанию меньшей общности (версии)²¹.

С учетом того, о чем сказано в рамках этой и первой частей данной статьи, следственное познание как вид практической юридической деятельности определяется нами следующим образом: осуществляемый следователем в формах рассмотрения сообщения о преступлении и предварительного следствия процесс мысленного образно-знакового воссоздания и уголовно-процессуального доказывания обстоятельств, имеющих значение для установления достоверной, соответствующей действительности картины, правовой сущности, родо-видовой принадлежности и механизма содеянного, а также для выявления и идентификации его участников и принятия адекватных содержанию объективной истины процессуальных решений, предусмотренных нормами права, регулирующими досудебное уголовное производство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. — М. : Юрид. лит., 1969. — 216 с.
2. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. — М. : Юристъ, 2006. — 256 с.
3. Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. — М. : РГ-Пресс, 2018. — 960 с.
4. Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 416 с.
5. Корма В. Д., Образцов В. А. Проблемы и пути совершенствования парадигмы криминалистического распознавания // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 7. — С. 158—168.
6. Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах : учебное пособие. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 184 с.
7. Корма В. Д., Миронова Е. А., Образцов В. А. Теоретические и прикладные аспекты криминалистического учения о следственном распознавании // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — С. 186—202.
8. Корма В. Д., Образцов В. А. Следственное познание как объект междисциплинарного исследования // Lex Russica. — 2018. — № 12. — С. 90—100.
9. Коршунов А. М. Познание и деятельность. — М. : Политиздат, 1984. — 142 с.
10. Ларин А. М. От следственной версии к истине. — М. : Юрид. лит., 1976. — 200 с.
11. Лешкевич Т. Г. Философия и теория познания : учебное пособие. — М. : Инфра-М, 2017. — 408 с.
12. Мамурков В. А. Криминалистические аспекты системно-структурного подхода в исследовании объектов судебных экспертиз : монография. — Екатеринбург, 2001. — 201 с.
13. Образцов В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики : учебно-практическое пособие. — М. : ИМПЭ-Омега, 2003. — 208 с.
14. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. — М. : Юристъ, 2001. — 118 с.
15. Проблемы криминалистического распознавания : материалы науч.-практ. конференции. — М.; Иркутск : Наука, 1999. — 159 с.
16. Распознавание образов : пер. с англ. яз. — М. : Мир, 1970. — 288 с.

²⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 417—426.

²¹ См.: Эйсман А. А. Логика доказывания. С. 99—100.

17. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие. — М. : ВШ МООП СССР, 1967. — 290 с.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
19. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
20. Эйсман А. А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. — 1966. — № 6. — С. 92—97.
21. Эйсман А. А. Логика доказывания. — М. : Юрид. лит., 1971. — 112 с.

Материал поступил в редакцию 16 января 2019 г.

INVESTIGATIVE KNOWLEDGE AS OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH²²

KORMA Vasilii Dmitrievich, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9
v.d.korma@gmail.com

OBRAZTSOV Victor Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Veteran at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper is devoted to the current problems of theory and practice of cognitive activity of an investigating officer in the field of pre-trial criminal proceedings. The ideas expressed by the authors, the developed provisions and recommendations, characteristics and classifications concerning the subject, methods, means and technologies of the investigator's cognitive mission are based on empirically established regularities of two groups (categories). The first is the regularities of criminal and related types of legally significant behavior (activity), as well as the process of its reflection in the material environment. The second group is the laws underlying the organization and implementation of anti-criminal investigative activities in the stages of initiation of criminal proceedings and preliminary investigation. Attention is given to the issues concerning the relation of investigative knowledge and recognition, essence and mechanisms of these forms (directions) of professional activity of the investigating officer, as well as the problem of formation, interaction and recognition of mental images of the acts containing indicia of crimes. Along with this, the paper reflects the concept definitions of investigative cognition and investigative recognition formulated by the authors.*

Keywords: *investigative knowledge, investigative recognition, criminally relevant objects and features, visual sensual and mental images, mechanism of interaction, ideal models, criminally relevant information, pattern recognition.*

REFERENCES

1. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Kriminalistika i dokazyvanie* [Forensics and evidence]. Moscow: Yurid. Lit. Publ., 1969. 216 p.
2. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Logika* [Logics]. Moscow: Yurist Publ., 2006. 256 p.
3. *Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminalistics: A Textbook for students]. Edited by L.V. Bertovskiy. Moscow: RG-Press Publ., 2018. 960 p.
4. Korma V.D., Obratsov V.A. *Kriminalisticheskoe raspoznavanie: teoriya, metod, modeli tekhnologiy: monografiya* [Forensic recognition: theory, method, technology models: monograph]. Moscow : Yurlitinform Publ., 2014. 416 p.

²² Final part. See beginning: Lex Russica. 2018. № 12 (145). Pp. 90—100.

5. Korma V.D., Obratsov V.A. *Problemy i puti sovershenstvovaniya paradigmy kriminalisticheskogo raspoznavaniya* [Problems and ways of improving the paradigm of forensic recognition]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2015. No. 7. Pp. 158—168.
6. Korma V.D., Obratsov V.A. *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriynnykh ubiystvakh: uchebnoe posobie* [Forensic detection in cases involving serial murders: A Study Guide]. Moscow: Yurлитinform Publ., 2015. 184 p.
7. Korma V.D., Mironova E.A., Obratsov V.A. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty kriminalisticheskogo ucheniya o sledstvennom raspoznavanii* [Theoretical and applied aspects of criminalistic doctrine of investigative recognition]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2017. No. 9. Pp. 186—201.
8. Korma V.D., Obratsov V.A. *sledstvennoe poznanie kak obekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* Investigative knowledge as object of interdisciplinary research. *Lex Russica*. 2018. No. 12. Pp. 90—100.
9. Korshunov A.M. *Poznanie i deyatelnost* [Knowledge and activity]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 142 p.
10. Larin A.M. *Ot sledstvennoy versii k istine* [From the investigative version to the truth]. Moscow: Yurid. Lit. Publ., 1976. 200 p.
11. Leshkevich T.G. *Filosofiya i teoriya poznaniya: uchebnoe posobie* [Philosophy and theory of knowledge: A Study Guide]. Moscow: Infra-M Publ., 2017. 408 p.
12. Mamurkov V.A. *Kriminalisticheskie aspekty sistemno-strukturnogo pokhoda v issledovanii obektov sudebnykh ekspertiz: monografiya* [Forensic aspects of the system-structural approach in the study of forensic objects : Monograph]. Ekaterinburg, 2001. 201 p.
13. Obratsov V.A. *Seriynnye ubiystva kak obekt psikhologii i kriminalistiki: uchebno-prakticheskoe posobie* [Serial murders as an object of psychology and criminology: Study and Methodology Guidelines]. Moscow: IMPE-Omega Publ., 2003. 208 p.
14. Orlov Yu.K. *Osnovy teorii dokazatelstv v ugovnom protsesse* [Foundations of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. *Yurist Publ.*, 2001. 444 p.
15. *Problemy kriminalisticheskogo raspoznavaniya: materialy nauch.-prakt. konferentsii* [Problems of forensic recognition: Proc. Scientific and Practical Conference]. Moscow; Irkutsk: Science, 1999. 159 p.
16. *Raspoznavanie obrazov: per. s angl.* [Pattern recognition: translated from English]. Moscow: Mir Publ., 1970. 288 p.
17. Ratinov A.R. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley: uchebnoe posobie* [Forensic psychology for investigators: A Study Guide]. Moscow: VSh MOOP USSR, 1967. 290 p.
18. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yurid. Lit. Publ., 1973. 736 p.
19. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1983. 840 p.
20. Eisman A.A. *Sootnoshenie istiny i dostovernosti v ugovnom protsesse* [The ratio of truth and reliability in criminal proceedings]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. 1966. No. 6. Pp. 92—97.
21. Eisman A.A. *Logika dokazyvaniya* [Logic of proof]. Moscow: Yurid. Lit. Publ., 1971. 112 p.